

Три требования становились все более острыми, особенно третье, из-за чего лицо директора Хуана сразу же потемнело, когда он услышал его.

«Этот вопрос касается нашего университета, и университет, естественно, предложит разумное решение. Не беспокойтесь, — как можно вежливее сказал директор Хуан.

Тан Юэ не поверил его вежливому тону и холодно ответил: «Итак, что вы считаете неразумным?»

«...», — директор Хуан не ответил.

Преподаватель из Университета А вмешался: «Я думаю, что это вполне разумно. В конце концов, Авиационный университет — это учебное заведение с вековой историей и определенным уровнем терпимости, не так ли, директор Хуан?»

Директор Хуан: «...»

"Не в этом дело. Послушайте, Ань Ян все еще студент. Публично объявив о его плагиате и заставив его извиниться, как к нему отнесутся его одноклассники? Как он будет продолжать оставаться в университете? Не лучше ли объявить его результаты недействительными, назначить соответствующее наказание, но не объявлять публично и не извиняться?»

«Нет, так не пойдет», — вмешался Сун Линьчу. Он всегда был любезным человеком с хорошим характером, но на этот раз он был очень сильным. «Мы должны публично раскрыть его плагиат и заставить его извиниться».

«Ты...» Директор Хуан хотел что-то сказать, но почувствовал, как холодный взгляд Тан Юэ скользнул по нему, и проглотил свои слова.

В этот момент к ним в спешке подбежал молодой учитель.

«Директор Хуан, вице-президент Ло попросил меня прийти и спросить, что только что произошло. Нам нужно решить это быстро. Все на сайте обсуждают это, и это серьезно влияет на впечатления от просмотра и порядок. Эту программу еще нужно завтра показать по телевидению. Не путайте это», — сказал он.

Не только руководство авиационного университета, но и университета А и телеканала ждали, когда организатор даст разумное объяснение и успокоит аудиторию.

На лбу директора Хуана выступил холодный пот. Он знал, что скрыть инцидент в этот момент было невозможно.

Лучший способ справиться с этим сейчас — это следовать первым двум пунктам, которые упомянул Тан Юэ, — заставить ведущего объявить о плагиате Ань Яна и попросить его публично извиниться. Таким образом, репутация университета не пострадает.

Однако он не мог заставить себя публично извиниться перед Сун Линьчу.

Прежде чем директор Хуан успел что-либо сказать, Тан Юэ сказал: «Если вы не можете принять решение, я приму его по-своему».

Директор Хуан понятия не имел, кто такой этот сильный и решительный человек и какие средства он применит для решения этого вопроса. Но он знал, что его подход не будет нежным.

Как говорится, «сначала говори тихо, а потом приноси большую палку». Для мужчин, возможно, три просьбы, которые сделал Тан Юэ, были мягким подходом, а его средства были палкой.

Директор Хуан любил использовать официальную риторику, но это была привычка, выработанная им за годы пребывания на государственной службе. Это не значит, что он был глуп.

Взвесив все за и против, сразу принял решение.

— Тогда давайте устроим это по-джентльменски.

Тан Юэ получил согласие директора Хуана и вручил ему папку. Как только директор Хуан собирался договориться, Тан Юэ холодно сказал: «Сначала извинитесь».

Директор Хуан много лет был директором университета. Обычно его уважали и боялись. Давно он не видел, чтобы кто-то так неуважительно относился к своим старшим.

Однако, поскольку слова были сказаны, у директора Хуана не было другого выбора, кроме как проглотить свою гордость и сказать Сун Линьчу: «Прости, Сун Линьчу. Моя трактовка ситуации была неправильной, и я прошу прощения за свое отношение к тебе. Мне жаль.»

Здесь собралось много конкурсантов и учеников обоих университетов. Все они были потрясены, увидев, что директор Хуан ведет себя таким образом.

Особенно студенты авиационного университета, они начали подозревать, что их директор одержим.

Многие ученицы также украдкой поглядывали на Тан Юэ с покрасневшими щеками, явно

захваченные его красотой.

Извинения директора Хуана не вызвали никаких вопросов, и Сун Линьчу больше не держал в руках этот вопрос. Он сказал: «Я надеюсь, что учитель сможет решить проблему плагиата как можно скорее».

— Я займусь этим сейчас. Вы все должны делать то, что вам нужно, — ответил директор Хуан.

Толпа рассеялась, увидев суматоху, и Тан Юэ сказал Сун Линьчу: «Пошли».

Сун Линьчу ушел с ним. Как только они собирались выйти за дверь, они услышали сердитый голос Ань Яна, доносившийся из другой гостиной: «Почему я должен извиняться? Я не получил никакой выгоды от этой песни и никому не причинил вреда. Я не буду извиняться!»

Сун Линьчу остановился как вкопанный.

— Не волнуйся, он извинится, — уверенно сказал Тан Юэ.

"Действительно?" Глаза Сун Линьчу загорелись.

«Мм-м-м», — уверенно ответил Тан Юэ. «Чэн Бин справится с этим».

На самом деле, иметь дело с этими людьми для Тан Юэ было проще, чем раздавить ошибку. Если бы не тот факт, что ему пришлось подумать о том, чтобы не оскорблять профессоров из другого университета ради Сун Линьчу, он бы не стал тратить время на разговоры с ними и уже использовал бы свои методы для решения проблемы.

Это было бы абсолютно безжалостно, но эффективно.

Они вышли из-за кулис, и когда Сун Линьчу собирался сказать Тан Юэ, что он еще не может уйти, потому что ему нужно получить награду и сфотографироваться, кто-то внезапно подбежал и сказал: «Сун Линьчу, ты в порядке?»

Это был его бывший сосед по комнате Хэ Вэньян. Поскольку финалы были назначены на праздник, Гао Юань уехал домой, а Ли Чан и его девушка уже планировали покататься на лыжах в новогодний день. Единственным, кто пришел поболеть за Сун Линьчу, был Хэ Вэньян.

Когда Хэ Вэньян увидел, как Сун Линьчу насильно уводят со сцены, он испугался, что эти люди причинят ему вред, и очень забеспокоился.

Закулисы было недоступно, и он не мог связаться с Сун Линьчу по телефону. Он был так

взволнован, что подумывал о том, чтобы позвонить в полицию, когда увидел выходящего Сун Линьчу, поэтому бросился к нему и схватил его за плечи, осматривая его с головы до ног, и спросил: «Они что-нибудь сделали с тобой?»

Сун Линьчу, который был озабочен плагиатом, забыл, что Хэ Вэньян мог волноваться за него, и извинился: «Я в порядке. Извини, я забыл тебя предупредить».

"Это хорошо. Ты напугал меня. Я боялся, что они издевались над тобой».

Тан Юэ стоял рядом, холодным взглядом наблюдая, как рука Хэ Вэньяна лежит на плече Сун Линьчу. После того, как Хэ Вэньян убедился, что Сун Линьчу в порядке, он наконец почувствовал холодный взгляд человека рядом с ним.

Он повернул голову и встретился с холодным и ледяным взглядом мужчины и молча прикрыл Сун Линьчу позади себя, спросив: «Кто это?»

Тан Юэ сузил глаза, глядя на Сун Линьчу, которого защищала спина Хэ Вэньяна.

Сун Линьчу быстро похлопал Хэ Вэньяна по плечу и сказал: «Не волнуйся, он мой друг. Он помог мне только что».

Тан Юэ дразнящим тоном спросил: «Просто друг?»

Сун Линьчу на мгновение заколебался, когда подумал об их нынешних отношениях и необходимости избегать любого потенциального разоблачения. С красными ушами он сказал: «Мой... мой жених».

— О, жених. Хэ Вэньян вздохнул с облегчением, его напряженные нервы расслабились. Этот человек не был похож на человека, с которым можно шутить, и было бы нехорошо противостоять ему.

Подождите, жених?

Хэ Вэньян чуть не прикусил язык и недоверчиво уставился на Сун Линьчу: «Когда у тебя появился жених?»

«Мы вместе уже довольно давно, и мы чувствуем себя совместимыми. Его семья подталкивала нас к свадьбе, поэтому мы... мы решили зарегистрировать брак». Сун Линьчу закончил свои слова и нервно взглянул на Тан Юэ.

«?????» Хэ Вэньян потерял дар речи. Он хотел посоветовать Сун Линьчу не торопиться с женитьбой и что он слишком молод, чтобы быть обманутым в могиле брака пожилым

мужчиной, но он был напуган мощной аурой этого человека и не мог заставить себя говорить.

Он просто отвел Сун Линьчу в сторону, убедился, что Тан Юэ не следует за ними, и спросил: «Ты сказал мне правду или этот человек заставил тебя? Позволь мне сказать тебе, такие мужчины полны уловок. Он просто жаждет твоего тела, потому что ты хорошо выглядишь. Не позволяй ему одурачить тебя».

Сун Линьчу подумал про себя, что Хэ Вэньян был совершенно неправ. У Тан Юэ не было такой способности вожделеть к его телу. Более того, казалось, что он был тем, кто возжелал его...

«Уверяю тебя, я не наивный идиот, которого легко обмануть, у меня есть благоразумие», — заверил Сун Линьчу.

Хэ Вэньян был настроен скептически: «Ты уверен? Ты знаешь его предысторию? Он кажется исключительным, а не обычным человеком».

Гм... он не обычный человек, он дядя моего бывшего парня.

Сун Линьчу ответил расплывчато: «Да, он босс компании, я изучил его биографию, проблем нет, он не мошенник».

Хэ Вэньян считал, что Сун Линьчу не следует поспешно жениться и получать свидетельство о браке с таким мужчиной, они даже не слышали новостей о его романе.

Но он также знал, что Сун Линьчу, хотя и добродушный, не был глупцом, и из-за ранней смерти его отца и многих лет ухода за тяжелобольной матерью у него была сильная целеустремленность.

Не обманывайтесь его мягким поведением, если бы он хотел что-то сделать, он бы сделал это изо всех сил, у него был очень упорный характер.

Он вздохнул и сказал: «Просто будь осторожен, и этого достаточно. Ладно, если ты в порядке, то я выйду ненадолго, заранее поздравляю с победой».

«Хорошо», Сун Линьчу вздохнул с облегчением, узнав, что удалось скрыть семейное происхождение и личность Тан Юэ. Он улыбнулся и сказал: «Спасибо».

После того, как Хэ Вэньян ушел, Сун Линьчу побежал обратно к Тан Юэ, чувствуя себя немного смущенным, когда сказал: «Гэгэ, извини, что заставил тебя ждать».

Лицо Тан Юэ было невыразительным, когда он посмотрел на слегка опущенные глаза молодого человека и спросил: «Вы хорошие друзья с Хэ Вэньяном?»

«Да, мы были соседями по комнате. У нас четверых в общежитии были хорошие отношения», — ответил Сун Линьчу.

"Я могу сказать. Вы довольно близки», — заметил Тан Юэ.

Сун Линьчу был ошеломлен на секунду, прежде чем его глаза загорелись. — Гэгэ, ты... ревнуешь? он спросил.

Тан Юэ оставался бесстрастным. «Я просто напоминаю тебе, что ты должен быть в курсе твоей нынешней личности», — сказал он.

"Мне все равно. Ты ревнуешь! Я даже чувствую кислинку, шшш... зубы чешутся!» — поддразнил Сун Линьчу.

Тан Юэ промолчал.

Увидев мгновенное замешательство на лице Тан Юэ, Сун Линьчу не мог не рассмеяться.

Черт, стальных мужчин так легко дразнить.

Тан Юэ посмотрел на молодого человека, который улыбался от уха до уха, как ребенок, только что получивший конфету, и больше не спорил. Вместо этого он спросил: «Куда ты хочешь пойти?»

Сун Линьчу все еще должен был дождаться результатов и выйти на сцену, чтобы получить свою награду, но он не хотел возвращаться на место встречи, чтобы на него смотрели все, или чтобы увидеть, как Ань Ян извиняется.

Он был конфликтным. Ему пришлось заставить организаторов признать, что Ань Ян занимался плагиатом, и публично извиниться, но сам он этого слышать не хотел. Эта песня была для него священной, и он не мог вынести того, что она запятнана.

— Как насчет того, чтобы прогуляться по кампусу? Я впервые в этом университете, — предложил Сун Линьчу.

— Хорошо, — ответил Тан Юэ.

Сун Линьчу попрощался с Чжоу Кэсинь и попросил ее сообщить ему, когда они будут собираться объявить результаты. Чжоу Кэсинь сказала, что все в порядке.

За последние несколько дней погода потеплела, и ветер, дующий им в лицо, больше не леденил

до костей. Наоборот, это давало ощущение комфорта.

Возможно, из-за того, что в спортзале проходило мероприятие и был выходной, ученики либо пошли в спортзал, либо разошлись по домам. Прохожих на дороге было немного, и лишь изредка среди зелени листвы можно было увидеть влюбленную парочку.

«Спасибо за сегодняшний вечер», — внезапно заговорил Сун Линчу.

Он знал, что если бы не помощь Тан Юэ, этот вопрос не решился бы так быстро.

Даже если бы это было решено, это было бы рассмотрено в частном порядке и не разглашалось бы публично ради репутации учеников, как предложил директор Хуан, и университет наказал бы Ань Яна в частном порядке.

Тан Юэ оставался спокойным и сказал: «Не нужно быть со мной вежливым».

Сун Линьчу некоторое время пинал небольшой камень на дороге, прежде чем сказать: «А Цин* — моя мать».

*Автор песни

Тан Юэ не удивился. Судя по тому, как Сун Линьчу был возбужден, это должно было быть написано кем-то очень важным для него.

"Это действительно хорошо."

Тан Юэ только что мельком прослушал ее. Хотя песня не была широко известна, в ней было несколько очень хороших частей.

В противном случае Ань Ян не сплгиател бы ее.

Ань Ян, вероятно, никогда не ожидал, что при плагиате непопулярных песен он столкнется с сыном оригинального автора.

«Если бы она услышала, как кто-то делает ей такой комплимент, она, вероятно, была бы в восторге», — улыбнулся Сун Линьчу, но его тон был меланхоличным. «Раньше она писала много песен, но все они были посредственными. Эта песня была написана на втором году после смерти моего отца. Может быть, дух моего отца на небесах дал ей толчок и сделал ее исключительно творческой».

Тан Юэ на мгновение остановился, а затем услышал, как Сун Линьчу сказал: «Возможно,

теперь они счастливы вместе».

Хотя Тан Юэ приказал Чэн Бину исследовать Сун Линьчу, он сам не знал, что обоих родителей Сун Линьчу уже нет в живых.

Он не умел утешать людей и обдумывал свои слова, когда Сун Линьчу внезапно сказал: «Гэгэ, можно тебя обнять?»

Спросив, он сразу сказал: «Ах, забудь об этом...»

Не дав Тан Юэ шанса отказаться, Сун Линьчу подошел и крепко обнял его.

Вместо того, чтобы страдать от неловкости этой прямолинейной стальной мужской уклончивости, лучше было просто действовать.

Не успел Тан Юэ еще что-то сказать, как теплое тело молодого человека уже прижалось к нему, а руки обвили его талию, как коала. Тан Юэ никогда раньше не был в таком близком контакте ни с кем, и его тело рефлекторно напряглось.

Через некоторое время тело Тан Юэ расслабилось. Он почувствовал слабый запах геля для душа на теле молодого человека, и его глаза немного смягчились. Он собирался поднять руку, чтобы обнять его в ответ, но Сун Линьчу уже отпустил его.

«Хорошо», лицо Сун Линьчу больше не имело грустного выражения, а было полно улыбок. — Гэгэ, ты так хорошо пахнешь. Ты реинкарнация ароматной наложницы?

Тан Юэ: «...»

Тан Юэ бесстрастно сказал: «Это запах моей одежды».

«Понятно, как стыдно», — сказал Сун Линьчу.

«... Не стыдно, спасибо».

Однако, увидев, что Сун Линьчу приспособился, Тан Юэ больше не нужно было ломать голову, чтобы утешить его, и он вздохнул с облегчением.

При этом на месте проведения соревнований.

Из-за слов Сун Линьчу и того, что его насильно удалили со сцены, публика потеряла интерес к конкурсу, и весь зал обсуждал этот вопрос.

Некоторые люди отправились выяснить, действительно ли Ань Ян занимался плагиатом, какая песня была плагиатом, но Сун Линьчу не упомянул название песни, подвергшейся плагиату, прежде чем он был вынужден заткнуться.

С таким количеством песен в мире невозможно было разобраться.

Поскольку официальная сторона не дала объяснений, возникли различные домыслы. Некоторые люди считали, что Ань Ян занимался плагиатом, но многие другие думали, что Сун Линьчу знал, что у него нет надежды на победу, и намеренно опорочил Ань Яна.

В противном случае, почему он не сообщил об этом учителю вместо того, чтобы сделать это достоянием гласности? Это было просто для привлечения внимания.

Из-за этого форумы двух университетов были полны горячих постов, и было так же оживленно, как во время китайского Нового года.

Поскольку вечеринка продолжалась как обычно, а официальных объяснений по-прежнему не было, все больше и больше людей полагали, что Сун Линьчу оклеветал своего оппонента.

Студенты из авиационного университета даже пришли на форум университета А, чтобы высмеять их, и большинство студентов университета А написали, что Сун Линьчу опозорил их университет.

Пока обе стороны яростно спорили, ведущий внезапно объявил, что было подтверждено, что Ань Ян действительно занимался плагиатом, и представил доказательства его плагиата. После того, как ведущий закончил объявлять, сам Ань Ян подошел, чтобы извиниться, хотя его тон был явно неохотным, он все же послушно извинился.

Никто не знал, что этот высокомерный и властный молодой человек пережил за последние полчаса. Студенты авиационного вуза, изначально заносчивые, тут же растерялись. Все саркастические посты, которые они сделали на форуме университета А, были удалены, и они ушли, поджав хвосты.

Студентов из Университета А подавляли полдня, но они, наконец, отомстили. Чтобы сделать ситуацию еще лучше, ведущий объявил результаты, и Сун Линьчу выиграл чемпионат с абсолютным преимуществом, осуществив мечту Чжоу Кэсинь об уходе на пенсию.

Тан Юэ отвез Сун Линьчу обратно в университет А, и машина медленно остановилась под его общежитием.

Сун Линьчу сказал: «Гэгэ, я вернусь первым. Ты тоже должен лечь спать пораньше».

В конце концов, Тан Юэ был неизлечимо болен, и было неясно, повлияло ли пребывание с ним

так долго на его здоровье.

Увидев, что цвет лица Тан Юэ все еще был хорошим, он задумался, что это за неизлечимая болезнь, из-за которой он мог выдержать такие потрясения.

"Подожди минутку."

Тан Юэ взял сумку с водительского сиденья и передал ее Сун Линьчу.

"Что это?" — спросил Сун Линьчу.

«Костюм, — посмотрел на него Тан Юэ и сказал, — я заеду за тобой завтра в 9 часов утра, принеси удостоверение личности и регистрационную книгу».

Только тогда Сун Линьчу отреагировал.

Это был день, когда они должны были получить разрешение на брак!

Он не ожидал, что, когда он случайно упомянет об этом вечером, Тан Юэ действительно пошлет кого-то, чтобы доставить костюм.

Однако, поскольку он уже сказал это, Сун Линьчу не отказался и взял его, сказав: «Хорошо, спасибо, брат. Увидимся завтра.»

«Увидимся завтра», — закончил Тан Юэ и добавил еще два слова: «Янь Янь».

!!!

Сун Линьчу моргнул и спросил: «А? Какой Янь Янь? О чем ты говоришь, гэгэ?»

— Янь Янь, — сказал Тан Юэ, — твое прозвище.

«...»

Этот человек, несмотря на то, что прослушал песню его матери всего один раз, смог раскрыть все прозвища, спрятанные в тексте.

Никто не называл Сун Линьчу этим прозвищем с тех пор, как умерла его мать. Если бы Тан Юэ внезапно не упомянул об этом, он бы полностью забыл об этом.

Детские прозвища были хороши, когда человек был молод, но по мере того, как человек становился старше, его называли очень смущающим.

Сун Линьчу не смог сохранить невозмутимое выражение лица и намеренно сказал: «Итак, гэгэ, теперь ты будешь называть меня по прозвищу? Помни, это очень интимная вещь».

Тан Юэ поднял бровь и сказал: «Есть ли что-нибудь более интимное, чем супружеские отношения?»

Сун Линьчу не знал, что ответить.

Конечно было!

Например, отрицательный дистанционный контакт. Да, он забыл, у старика не было таких способностей. Бедняжка, Тан Юэ выглядел как мужественный молодой человек, как он мог быть овцой в постели?!

<http://bllate.org/book/14981/1325483>